

ВОЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ПОЛИТИКА РОССИИ В СИРИИ

Татьяна Владимировна Вербицкая

*Уральский государственный юридический университет,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 10 октября 2016 <i>Принята к печати:</i> 20 мая 2017</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена исследованию проблемных вопросов, связанных с изменением современных международных отношений. Установлено, что подобные изменения затронули содержание международных отношений: акторов (появление неправительственных акторов, значение которых все более возрастает), методы (расширены сферы применения военной дипломатии), объекты (изменившийся характер вооруженных конфликтов, как международных, так и немеждународных; переход от преступления международного характера к международным преступлениям осуществляется, не исходя из субъектов, их совершающих, но степени их опасности с точки зрения обеспечения безопасности мира). Определены временные рамки указанных изменений. Исследуются причины изменения характера и содержания международных отношений, как в целом, так и выделенных в них элементов. В отношении военной дипломатии приводятся понятие, содержащее ее существенные признаки, критерии определения эффективности применения данного метода международных отношений. Данные критерии эффективности военной дипломатии применены к действиям России в Сирии в рамках борьбы с международным терроризмом. Анализируются документы, которые составляют основу сотрудничества Российской Федерации и Сирийской Арабской Республики. Исследование указанных тенденций изменения международных отношений осуществляется на основе изучения принимаемых Российской Федерацией мер по борьбе с международным терроризмом в Сирийской Арабской Республике. Определено, что действия Российской Федерации в Сирийской Арабской Республике представляют собой модель, на основании которой можно изучить роль и значение неправительственных акторов в мировой политике, особенности применения методов международных отношений к изменившимся реалиям, условия перехода от преступлений международного характера к международным преступлениям.</p>
<p>Об авторе: ассистент, Кафедра теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет e-mail: aquitania-17@yandex.com</p>	
<p>Ключевые слова: военная дипломатия, международный терроризм, вооруженный конфликт</p>	

Необходимо отметить, что до настоящего момента применение военной дипломатии для предотвращения, устранения угрозы агрессии было возможно только в рамках взаимоотношений государств. Однако угроза международного терроризма достигла таких масштабов, что стало необходимым совершенствовать средства и методы борьбы против данного негативного явления. Подобные средства, основанные на военной дипломатии, были сформулированы в

рамках применения Российской Федерации авиационных групп в Сирии для борьбы с международным терроризмом, обусловив тем самым необходимость теоретического переосмысления постулатов военной дипломатии на новом уровне – в отношении неправительственных акторов международных отношений, играющих не менее значимую роль, чем государственные акторы.

Прежде всего, обратимся к анализу понятия и содержания военной дипломатии.

С момента окончания холодной войны военная дипломатия стала одной из ключевых тактик антикризисного управления. Использование угрозы применения силы, чтобы побудить противника осуществить определенные действия или отказаться от их совершения, является привлекательной альтернативой для традиционных военных стратегий с учетом международной обстановки, сложившейся после окончания холодной войны¹. Характер современной гибридной войны, нестабильности и конфликтов существенным образом изменились так, что вышли за рамки парадигмы безопасности XX века². Вооруженные конфликты в соответствии с законами и обычаями войны стали аномалией – самыми активными участниками конфликтов становятся неправительственные акторы, не стремящиеся руководствоваться законами и обычаями войны, и которых невозможно обязать соблюдать указанные нормы в силу того, что они не могут быть признаны комбатантами на основании положений Женевского права. Поэтому вооруженные конфликты были замешены спорадической или асимметричной войной, что привело к увеличению количества слабых и несостоятельных государств. Практика современных международных конфликтов показала, что традиционные военные стратегии, такие как уничтожение и взятие измором, больше не являются эффективными в борьбе с уникальными новыми угрозами безопасности мира и человечества, подобными международному терроризму, в том числе, поскольку на протекание данных конфликтов оказывают влияния государства. Нередко борьба с международным терроризмом превращается в арену демонстрации государствами своего военного потенциала. Подобные действия стран не приводят к смягчению остроты указанной угрозы и определяют необходимость вмешательства других государств, стремящихся защитить свой внешний суверенитет от угрозы международного терроризма. Со-

ответственно, применение военной дипломатии является благотворным методом по снижению остроты международных кризисных ситуаций, поскольку предоставляет странам возможности для достижения разумных целей (защиты государственной территории от внешних угроз), одновременно избегая нежелательной военной эскалации. В международных отношениях эскалация вооруженных конфликтов в рамках борьбы с международным терроризмом не позволила устранить указанную угрозу и усугубила кризисные ситуации в мире³.

Военная дипломатия понимается как угроза применения или применение силы, чтобы побудить противника предпринять действия, которые он не желает совершать, и может включать в себя широкий спектр инструментов, начиная от дипломатических санкций и заканчивая военными операциями (например, авиаудары или стратегические бомбардировки)⁴. Военная дипломатия имеет длительную историю существования, как мастерство в ведении переговоров и войны, и использовалась в течение многих столетий. Применение силы или угрозы силой как метод международных отношений, стали необходимым инструментом дипломатии и традиционного искусства управления государством. Длительность существования и устойчивости данного метода предопределяет возможность его использования и в нетрадиционных международных отношениях с участием неправительственных акторов. Данные международные отношения, в отношении которых применение военных мер не привело к разрешению кризисной ситуации, не могут быть квалифицированы и разрешены как международный конфликт по Женевскому праву, что обуславливает необходимость поиска методов международных отношений из показавшего свою устойчивость инструментария, такого, как метод военной дипломатии⁵.

³ Ibid.

⁴ Byman, Daniel; Waxman Matthew C. *The Dynamics of Coercion: American Foreign Policy and the Limits of Military Might*. New York: Cambridge University Press, 2002. P. 35.

⁵ Lauren, Paul Gordon. *Ultimata and Coercive Diplomacy // International Studies Quarterly*, 1972. PP. 131-165.

¹ Collins, Alan. *Coercive Diplomacy. Contemporary Security Studies*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 78.

² Bidt, Carl. *Force and Diplomacy // Survival: Global Politics and Strategy*, 2000. PP. 141-148.

В 2006 году Б. Джентлсон и К. Вайток в книге «Кто «победил» Ливию: дискуссии о дипломатии силы и ее применение в теории и политике»⁶ провели исследование взаимосвязи между военной силой и дипломатией с учетом современных международных реалий. Сосредоточив внимание на изменения в политической ситуации в Ливии, в частности, в отношении международного терроризма и распространения оружия массового уничтожения, Б. Джентлсон и К. Вайток исследовали роль военной дипломатии США в достижении данных важных изменений. Анализируя три фазы применения США метода военной дипломатии, они выделяют две основные совокупности факторов, способствующих эффективности военной дипломатии: (1) государственную военную стратегию, в рамках которой достигнут баланс между заслуживающим доверия принуждением и квалифицированной дипломатией посредством трех критериев – соразмерности, паритета и взаимного доверия, и (2) нахождение государства, для защиты которого применяется военная дипломатия, в уязвимом состоянии вследствие его внутренних политических и экономических условий, в том числе государственных переворотов или разрушительной роли элит и других ключевых политических деятелей государства. Ученые утверждают, что на успешность применения военной дипломатии влияют как стратегия государства, применяющего военную дипломатию, так и внутренняя политика государства, для защиты которого применяется военная дипломатия, а также состояние экономики обоих государств. Большинство ученых при исследовании успехов или неудач военной дипломатии опираются на модели затрат и выгод, возникших вследствие применения указанного метода международных отношений. Данные модели позволяют прогнозировать результаты применения военной дипломатии путем сравнения ожидаемых затрат и выгод от того или иного действия. В широком смысле, применение военной дипломатии будет успешным, когда ожидаемые выгоды от применения военной дипломатии превышают предполагаемые издержки, связанные с

⁶ Jentleson, Bruce W.; Whytock, Christopher A.. Who “Won” Libya? The Force-Diplomacy Debate and Its Implications for Theory and Policy // *International Security*, 2006. Pp. 47-86.

использованием данного метода. Б. Джентлсон и К. Вайток утверждают, что для достижения указанного баланса, необходимо, чтобы стратегия действий государства, применяющего военную дипломатию, соответствовала требованиям пропорциональности, соразмерности и взаимного доверия государства, использующего военную дипломатию и государства, в защиту которого используется данный метод международных отношений. Пропорциональность предполагает, что стратегия применения военной дипломатии будет успешной, если объем и характер применяемых инструментов будет соответствовать характеру и степени опасности угрозы. Государство, использующее военную дипломатию, может выбирать между тремя различными оборонительными целями: (1) прекратить действие противника, (2) заставить противника воздержаться от совершения действия, и (3) прекратить враждебное поведение противника посредством требования изменений в составе правительства или политического режима государства, в отношении которого применяется указанный метод военной дипломатии. Логика применения военной дипломатии состоит в том, что сила несклонности противника к совершению желаемых действий или отказу от их совершения обратно пропорциональна интенсивности военной дипломатии. Таким образом, чем более активно применяется военная дипломатия, тем выше затраты противника на сохранение прежней стратегии поведения. Поэтому, в зависимости от поставленных целей, государство, использующее военную дипломатию, приводит противника к пропорциональному увеличению расходов, связанных с несоблюдением его требований, а также усиливает для противника преимущества соблюдения требований, вплоть до достижения эквивалентности позиций. Вторым необходимым компонентом стратегии применения военной дипломатии является паритет. Паритет предполагает взаимное понимание связи между положительными стимулами и уступками, которые необходимо совершить для достижения цели государством, применяющим военную дипломатию и государством, в защиту которого применяется дипломатия. В то же время, противник должен верить, что он не сможет достичь поставленных целей без соблюдения требований государства, применя-

ющего военную дипломатию. Взаимное доверие также является необходимым компонентом успешной стратегии применения военной дипломатии. Взаимное доверие достигается тогда, когда государство, применяющее военную дипломатию, успешно приводит противника к пониманию нецелесообразности несоблюдения его требований. Фактическое применение силы, угроз и других принудительных инструментов, таких, как информационное воздействие, должны быть достаточными для того, чтобы увеличить предполагаемые расходы противника, связанные с несоблюдением требований государства, использующего военную дипломатию. Предполагаемые издержки, а также фактические расходы, влияют на расчеты противной стороны. Предполагаемые затраты определяются, исходя из величины опасностей, которые противник предусматривает для достижения целей и вероятности их возникновения.

После поездки в феврале 1998 года в Ирак бывший Генеральный секретарь ООН К. Аннан отметил в своем выступлении перед Советом Безопасности: «Если дипломатия хочет добиться успеха, она должна быть подкреплена и силой, и справедливостью»⁷. Военная дипломатия является воплощением указанной идеи. Как дипломатическая стратегия, так и военная дипломатия являются долгоиграющими средствами государственной политики, которые минимизируют угрозы, ограничивают применение силы, используют убеждение и позитивные стимулы для эффективного разрешения кризисных ситуаций в мире. Использование военной дипломатии для нужд обороны, чтобы остановить и/или не допустить акты военной агрессии все чаще необходимо для борьбы против угроз безопасности мира и страны, таких, как международный терроризм, в связи с растущим числом слабых или несостоятельных государств в международной системе после окончания холодной войны⁸.

⁷ Bratton, Patrick C. When is Coercion Successful? And Why Can't We Agree on It? / *Naval War College Review*, 2005. PP. 100-120.

⁸ Welzel, Aage Martin. *The Art of Combining Force and Diplomacy: A Study of the Balance of Motivation in Coercive Diplomacy* / Århus: Institute for Statskundskab, 2003. P. 53.

Вышеизложенное в полной мере отражает политику России в Сирии. Почему применение российской авиационной группы в Сирии может быть охарактеризовано в качестве военной дипломатии?

Во-первых, речь идет о применении силы, военных операций, совершаемых Россией в отношении международных террористов в Сирии; во-вторых, цель подобных действий России заключается в том, чтобы заставить международных террористов прекратить совершение преступных деяний.

Между тем, в данном случае военная дипломатия применяется не в отношении страны, но для защиты другого государства от международного терроризма, что нехарактерно для традиционного понимания военной дипломатии, которая представляет собой воздействие именно на политику государства⁹. В связи с реалиями современных международных отношений, их усложнением, осуществление агрессии, угрозы агрессии со стороны государства маловероятны, однако на сцене мировой политики появляются неправительственные акторы, международные террористы, деятельность которых представляет собой угрозу не только отдельным государствам, но и безопасности мира, что обуславливает перерастание международного терроризма из преступления международного характера в международное преступление, агрессию и угрозу агрессии. Данное видоизменение характера международного терроризма, его перерастание в международный вооруженный конфликт вызвано также политикой государств, оказывающих прямое или косвенное влияние на ход указанного конфликта. Поэтому военная дипломатия по-прежнему остается методом, применяемым к отношениям между государствами (в рамках которых одно государство защищает суверенитет другого государства и собственный суверенитет от внешних угроз посредством военной дипломатии), и объектом воздействия является не другая страна, но международные террористы.

Данная позиция находит документальное подтверждение.

⁹ Lauren, Paul Gordon. *Diplomacy: New Approaches in History, Theory, and Policy*. New York: Free Press, 1979. P. 47.

В Соглашении между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики на постоянной основе, подписанном в городе Дамаске 26 августа 2015 года¹⁰, также подчеркивается оборонительный характер нахождения российской авиационной группы на территории Сирии, принимающей меры по защите суверенитета, территориальной целостности и безопасности России и Сирии (Преамбула Соглашения). Более того, правовой статус (привилегии и иммунитеты) командира и личного состава российской авиационной группы, членов их семей, приравнивается к статусу дипломатического персонала (часть 3 статьи 6 Соглашения). Важно подчеркнуть, что в тексте Соглашения не уточняется, что данные привилегии и иммунитеты предоставляются только во время исполнения возложенных на указанных лиц функций в Сирии. В отношении транспортных средств и воздушных судов России делается оговорка, что они пользуются неприкосновенностью, только если они применяются в интересах российской авиационной группы. Приведенные положения Соглашения позволяют утверждать, что оборонительные меры, принимаемые Россией в Сирии, осуществляются посредством дипломатических средств (невоенного характера – дипломатические каналы связи используются для сообщения информации, связанной с выполнением положений Соглашения (например, в соответствии с частью 2 статьи 3, статьей 11 Документа) и военной дипломатии).

¹⁰ Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики на постоянной основе, подписанное в городе Дамаске 26 августа 2015 года. Режим доступа: [http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/B64C40B4EE591C544325800A004AF251/\\$File/%D1%81%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf?OpenElement](http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/B64C40B4EE591C544325800A004AF251/$File/%D1%81%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf?OpenElement) [The Agreement between Russia and the Syrian Arab Republic on the Deployment of the Russian Armed Forces Aviation Group on the Territory of the Syrian Arab Republic, 26 August, 2015]

Стратегия военной дипломатии России в Сирии является взвешенной, сбалансированной.

Во-первых, Россия подготовила надлежащую основу для применения военной дипломатии в Сирии, определив международный терроризм в качестве агрессии (в соответствии с Посланием Президента Российской Федерации от 31.12.2015)¹¹.

Во-вторых, меры, применяемые Россией, в полной мере соответствуют критериям эффективной дипломатии, сформулированным Б. Джентлсоном и К. Вайтоком.

Пропорциональность осуществляемых Россией действий обусловлена их соответствием характеру и степени опасности международного терроризма. Россия ограничивается применением авиационной группы, с настоящего момента постоянно базирующейся в Сирии; использование Россией военной дипломатии в Сирии соответствует характеру и степени опасности международного терроризма, постоянной и насущной угрозы международному миру и внешней угрозы суверенитету и безопасности России. Ранее для борьбы с международным терроризмом применялись военные меры, однако они не достигли желаемого результата по снижению остроты данного негативного явления. Исходя из изложенного, экономические издержки России, связанные с применением военной дипломатии в Сирии, являются оправданными.

Паритет принимаемых мер заключается в том, что Сирия не обладает достаточными ресурсами для самостоятельной борьбы против международного терроризма, предоставляет России возможность не только защиты суверенитета от данной внешней угрозы, и возможность осуществлять разведывательные мероприятия, но и увеличить сферу своего влияния на Ближнем Востоке.

В-третьих, использование военной дипломатии России в Сирии обусловлено взаимным доверием двух стран в рамках их существующих длительное время международных отношений.

¹¹ См. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 (Послание Президента Российской Федерации // Российская газета, 04.12.2015)

Возможность обращения Правительства Сирии к Российской Федерации для борьбы с международным терроризмом существовала с 2010 года в рамках Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Сирийской Арабской Республики о воздушном сообщении, заключенного в Дамаске 11.05.2010¹². В соответствии с частью 4 статьи 14 Соглашения, каждая Договаривающаяся Сторона благожелательно рассматривает любую просьбу другой Договаривающейся Стороны о принятии обоснованных специальных мер безопасности в связи с конкретной угрозой. На основании данной нормы 26 августа 2015 г. в Дамаске было заключено Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики¹³, которое применялось временно.

Эффективность военной дипломатии России в Сирии обеспечивается также ее непрерывным характером в связи с постоянным, не ограниченным по сроку, базированием российской авиационной группы в Сирии.

Таким образом, применение российской авиационной группы в Сирии отражает видоизменившийся характер международных отношений. Во-первых, речь идет о возникновении и развитии нетрадиционных вооруженных

конфликтов (существование которых было не предусмотрено по Женевскому праву), в которых участвуют неправительственные акторы, играющие значимую роль в международных отношениях. Во-вторых, традиционные инструменты (такие, как военная дипломатия) применяются к новым реалиям международных отношений – они используются не в отношении других государств, но в их защиту, при этом объектом воздействия является деятельность негосударственных акторов. В-третьих, переход от преступления международного характера к международному преступлению (в частности, от международного терроризма к агрессии, угрозе агрессии) обусловлен не столько изменением субъектного состава (террористы – государство), сколько характером и степенью опасности противоправного деяния (так, международный терроризм представляет собой угрозу безопасности мира).

Литература:

Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 (Послание Президента Российской Федерации // Российская газета, 04.12.2015)

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Сирийской Арабской Республики о воздушном сообщении, заключенном в Дамаске 11.05.2010 // Бюллетень международных договоров. – 2011. – № 7. – С. 78-91.

Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики на постоянной основе, подписанное в городе Дамаске 26 августа 2015 года. Режим доступа: [http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/B64C40B4EE591C544325800A004AF251/\\$File/%D1%81%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf?OpenElement](http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/B64C40B4EE591C544325800A004AF251/$File/%D1%81%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf?OpenElement)

Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 14.01.2016.

Bidt, Carl. Force and Diplomacy / Survival: Global Politics and Strategy, 2000. Pp. 141-148.

Bratton, Patrick C. When is Coercion Successful? And Why Can't We Agree on It? / Naval War College Review, 2005. Pp. 100-120.

Byman, Daniel; Waxman Matthew C. The Dynamics of Coercion: American Foreign Policy and the Limits of Military Might. New York: Cambridge University Press, 2002.

Collins, Alan. Coercive Diplomacy. Contemporary Security Studies. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Jentleson, Bruce W.; Whytock, Christopher A. Who "Won" Libya? The Force-Diplomacy Debate and Its Implications for Theory and Policy // *International Security*, 2006. Pp. 47-86.

¹² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Сирийской Арабской Республики о воздушном сообщении, заключенном в Дамаске 11.05.2010 // Бюллетень международных договоров. – 2011. – № 7. – С. 78-91. [Agreement between Russia and Syria on Air Communication, 11 May 2010 // *Biulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2011, No. 7, Pp. 78-91.]

¹³ Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 14.01.2016. [The Agreement between Russia and the Syrian Arab Republic on the Deployment of the Russian Armed Forces Aviation Group on the Territory of the Syrian Arab Republic. Mode of access: www.pravo.gov.ru, 14.01.2016.]

Lauren, Paul Gordon. *Diplomacy: New Approaches in History, Theory, and Policy*. New York: Free Press, 1979.

Lauren, Paul Gordon. *Ultimata and Coercive Diplomacy // International Studies Quarterly*, 1972. Pp. 131-165.

Welzel, Aage Martin. *The Art of Combining Force and Diplomacy: A Study of the Balance of Motivation in Coercive Diplomacy* / Århus: Institute for Statskundskab, 2003.

References:

Agreement between Russia and Syria on Air Communication, 11 May 2010 // *Biulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2011, No. 7, pp. 78-91.

The Agreement between Russia and the Syrian Arab Republic on the Deployment of the Russian Armed Forces Aviation Group on the Territory of the Syrian Arab Republic, 26 August, 2015

The Agreement between Russia and the Syrian Arab Republic on the Deployment of the Russian Armed Forces Aviation Group on the Territory of the Syrian Arab Republic. Mode of access: www.pravo.gov.ru, 14.01.2016.]

Bidt, Carl. *Force and Diplomacy / Survival: Global Politics and Strategy*, 2000. Pp. 141-148.

Bratton, Patrick C. *When is Coercion Successful? And Why Can't We Agree on It? / Naval War College Review*, 2005. Pp. 100-120.

Byman, Daniel; Waxman Matthew C. *The Dynamics of Coercion: American Foreign Policy and the Limits of Military Might*. New York: Cambridge University Press, 2002.

Collins, Alan. *Coercive Diplomacy*. *Contemporary Security Studies*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Jentleson, Bruce W.; Whytock, Christopher A. *Who "Won" Libya? The Force-Diplomacy Debate and Its Implications for Theory and Policy // International Security*, 2006. Pp. 47-86.

Lauren, Paul Gordon. *Diplomacy: New Approaches in History, Theory, and Policy*. New York: Free Press, 1979.

Lauren, Paul Gordon. *Ultimata and Coercive Diplomacy // International Studies Quarterly*, 1972. Pp. 131-165.

Welzel, Aage Martin. *The Art of Combining Force and Diplomacy: A Study of the Balance of Motivation in Coercive Diplomacy* / Århus: Institute for Statskundskab, 2003.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-45-51>

MILITARY DIPLOMACY AND RUSSIA'S POLICY IN SYRIA

Tat'iana V. Verbitskaia

*Ural State Law University,
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 10 October 2016</p> <p><i>Accepted:</i> 20 May 2017</p>	<p>Abstract: The article is devoted to the study of problematic issues of the change of modern international relations system. It was found that such changes have affected the very essence of international relations: actors (the emergence of non-governmental actors, the importance of which is increasing), methods (the scope of military diplomacy has been expanded), objects (the nature of armed conflicts, both international and non-international, has been changed; the concept of international crime is determined by the danger posed to the international community). The author sets time frameworks of the changes, studies the characteristics of international system and its elements. The study focuses on the phenomenon of military diplomacy and criteria of its effectiveness. These criteria for the effectiveness of military diplomacy are applied to the Russia's actions in Syria as part of its fight against international terrorism. The key documents of cooperation between the Russian Federation and the Syrian Arab Republic are analyzed. The research is focused on Russian measures in its war against terror in Syria. The author posits that Russia's actions in Syria represent a model which reflects the role of non-governmental actors in world politics, the methods used in international affairs and the specifics of international crimes.</p>
<p>About the author: Assistant, Chair of Theory and History of International Relations, Ural Federal University</p> <p>e-mail: aquitania-17@yandex.com</p>	
<p>Key words: military diplomacy, international terrorism, military conflict</p>	

Для цитирования: Вербицкая Т.В. Военная дипломатия и политика России в Сирии // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 3. – С. 45-51.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-45-51

For citation: Verbitskaia, Tat'iana V. *Voennaia diplomatiia i politika Rossii v Sirii (Military Diplomacy and Russia's Policy in Syria) // Comparative Politics Russia*, 2017, No. 3, pp. 45-51.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-45-51